

Протоиерей Владимир Тимаков

**Страстная Седмица – осмысление Христова
Креста
священник Алексей Тимаков**

Спасение

Все мировые катаклизмы, человеческие беды, нестроения и сама смерть – это не случайность, не результат несовершенства материи и плохого мироустройства, а следствие грехопадения. Быть с Богом, жить Богом Адам не захотел. Но жизнь – только в Боге и от Бога. Без Бога – бытие, прозябание, смерть, в конечном счёте абсолютное ничто. По причине разобщённости человека с Богом человеческая природа стала смертной; в силу же неразрывной связи человека с космосом тление и смерть вошли и в мироздание. Дар свободы, который призван был осуществлять богоуподобление, привёл к последствиям, граничащим с небытием...

Однако и в грехопадении мироздание не погибло, человеку оставлена надежда на спасение. Творение было переведено в более глубокий экзистенциальный план бытия, именуемый спасением. Человеческая свобода осталась включённой в него.

Спасение, или искупление – тайна от вечности сокрытая в Боге (см. [Еф 3:9](#)). Однако тайна эта просвечивала в мироздании: Откровение упоминает Агнца, «закланного от создания мира» ([Откр 13:8](#)), чем свидетельствуется Его Божественная сущность.

Задолго до свершения искупления оно раскрывалось перед человечеством в символах; вспомним хотя бы медного змия в пустыне, спасающего от укусов. Здесь сокровенная спасительная Премудрость Божия указывала на Себя прообразом; будучи же вознесённой на шесте, приуготовляла Израиль к приятию грядущего вознесения Своего на Голгофский Крест. Христос открывает Израилю путь, который надлежит Ему пройти: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому» ([Ин 3:14](#)).

Другой символ – жертвенное животное, без пролития крови которого не могло быть очищения. Нам, согласно апостолу Павлу, ясно, что «невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (см. [Евр 10:4](#)). Если же такое совершалось, значит, вся суть в грядущей Жертве, ознаменовании Которой и служили животные. Так что и здесь перед нами символическое соответствие Агнца, закланного от создания мира, и исполнения этого прообраза на Голгофском Кресте.

Когда это предстало перед пророческим взором «ветхозаветного евангелиста» Исайи ([Ис 53](#)), пророк содрогнулся от несоответствия Божией Премудрости и могущества человеческим о них представлениям.

Человеческое мышление неспособно разглядеть в Божией жертвенности Божественное могущество. В этом – причина распятия Христа, причина трудности постижения символов, а стало быть – и прития спасения, уготованного Богом.

В свете откровения Нового Завета искупительная мистерия приоткрылась для человеческого постижения: искупление от греха, упразднение смерти воссиявшей Жизнью и Воскресение – всё это соделано Спасителем мира Христом: «поглочена смерть победою» (1Кор 15:54).

Верно, конечно, что не человечество Христово было силой, воскресившей Тело Иисусово, но верно и другое: не Божество Христово вкусило смерть. Нераздельным и неразлучным сочетанием (без смешения) естеств Христос возымел возможность выразить послушание Своей человеческой воли воле Бога Отца и тем исправить преслушание Адама. Страданиями же Своими на Кресте Христос истребил человеческий грех, а встречей лицом к лицу со смертью истреблена была смерть. Победа одержана, – воскресло Христово Тело, но потому именно, что нераздельно с Телом пребывало Его Божество.

Но акцентировать внимание победы над смертью значением её только для Личности Христа нельзя. Апостол Павел утверждает: Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших, но на этом не останавливается, а сосредоточивает внимание на единстве Христовой плоти со всей человеческой природой: «как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1Кор 15:20, 22). Стало быть, Воскресение Христово значимо для нас не тем только, что это исключительнейший факт истории, а тем по преимуществу, что оно животворно для нас, ибо в нём – залог нашего воскресения. Потому-то Христос не создал Себе новой плоти, а вписался в родословную человечества, чтобы иметь сущностное отношение к каждому из нас.

Но зачем было нужно Второй Ипостаси принимать "зрак раба" (Флп 2:7) и вкушать смерть? Апостол Павел сообщает потрясающую истину: «Умерший освободился от греха» (Рим 6:7). Если такое говорится о смерти простого человека, то каково же искупительное значение Воплотившейся и вкусившей смерть Присносущной Жизни?

Мир спасён Христом. Правда, из Откровения следует, что ещё в Предвечном Совете Бог Слово наречён Агнцем, «закланым от создания мира» (Откр 13:8); стало быть, «причина» искупления – Вторая Ипостась, но Спасителем мира явился Христос, Бог Слово вочеловечившееся, принявшее зрак раба. Сын Девы «спасет людей Своих от грехов их», –

свидетельствует Архангел (Мф 1:21).

Но тем самым в процесс спасения вовлекается и человек; участие человечества в деле спасения можно усмотреть в ветхозаветных событиях, но особо чётко оно прослеживается в предуготовлении Девы и Матери, давшей плоть Богу Слову, в самом Боговоплощении и Голгофе. Ими реализован Божий замысел, который святитель Афанасий Великий охарактеризовал в словах: «Бог не потому умер, что родился, но Он для того и родился, чтобы умереть».

Насущная необходимость участия человеческой природы в искупительном процессе этим выражена ясно и несомненно. Слова, сказанные святителем Афанасием, сводят искупление не к прощению греха, а к его истреблению, искоренению, что и соделано смертью Искупителя: воскрес ... смертью смерть поправ.

К тому же спасено должно было быть именно согрешившее человечество; не просто прощено, но уврачevano. Бог может создать человека из камней, но это будет новым творением, иной природой. Спасено должно быть то человечество, которое пребывает в отпадении от Бога, которое нуждается в Нём, которое определено к смерти. Но спасти себя от смерти – задача, явно превышающая пределы человеческих возможностей, поэтому Бог нисходит к человеку, – не для того чтобы просто даровать прощение и не для того чтобы Самому понести за человека наказание. Бог снизошёл на землю для того, чтобы явить человечеству такую помощь, с которой оно обрело бы бессмертие. Но для этого требовалось самого человека включить в искупительный Богочеловеческий процесс, потому-то искупление и началось с вочеловечения Бога.

Сочетав в Рождестве Своё Божество с человеческой природой, Богочеловек Иисус начинает дело искупления. Наиболее наглядно участие человеческой природы выражено в Гефсиманском борении и на Голгофском Кресте. Присносущной Жизни, как равно и безгрешному человеку, желать себе смерти нельзя, это было бы противоестественно, и недаром самоубийц не отпевают. Смерть – оброк греха, а не чистой, непорочной и обоженной жизни, и Своё отношение к смерти Христос выразил в молитве «Да минует Меня чаша сия» (Мф 26:39). Но потом борением до кровавого пота Он подклоняет Свою человеческую волю воле Бога Отца, чем исправляет послушание Адама. Но это – только одна сторона искупления...

Облекшись человечеством, Христос возымел сущностное отношение к общей человеческой природе. По этой причине Он и смог взять на Себя

ответственность за человеческий грех, совершаемый от Адама до сегодняшнего дня и от сегодняшнего дня до Паруссии, Второго пришествия. Подклонив Свою волю Отцу, Христос от лица человечества выразил Ему послушание вплоть до смерти и сошествия во ад. Этим Христос и упразднил человеческий грех. Возможным это стало потому, что Божеством Своим Христос пребывал укоренённым в Троических Божественных недрах, но Его Божество пребывало неразлучно с Его человечеством. Этим и обусловлено то, что во Христе Его человеческое естество стало беспредельно обоженным, что и засвидетельствовано Евангелием: «в Нем обитала всякая полнота» (Кол 1:19; см. также Кол 2:9: «в Нем обитает вся полнота Божества телесно»). Причём совершилось это не одним актом Боговоплощения; совершенствование человеческой природы Христа продолжено было и Личностью Самого Спасителя: Его страданиями, смертью и Воскресением. На страдания Свои Христос шёл сознательно и добровольно; Его целью было прославление человеческой природы. «Ныне прославь Меня Ты, Отче... славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин 17:5), – эта первосвященническая молитва может иметь только один смысл: Христос испрашивает Божеских прерогатив для Своего человечества, ибо как Бог Он управлял вселенною и лёжа младенцем в яслях, и когда пребывал бездыханным во гробе. И эта молитва была услышана: по Воскресении Своём Христос выразил это со всей определённою: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28:18). Совершилось неслыханное, никогда не бывшее в мироздании: человеческая природа во Христе стала плотью Божией, откуда воспоследовали Божественная слава, всемогущество и одновременное вездеприсутствие, чем и обусловлено пресуществление хлеба и вина в Плоть и Кровь Божию одновременно на всех алтарях для освящения всего человечества.

В замысле искупления Бог поместил человека в самую сердцевину Божественной мистерии Голгофы. Победа совершена Богом и человеком; вне такого понимания и исповедания спасения нет; спасение в христианстве мыслится не как только Божий Дар, не как чисто человеческое деяние, а как двуединый богочеловеческий процесс.

Остановимся на Гефсиманском борении, когда Христос выразил Своё послушание Богу Отцу Своей человеческой волей. Перефразируя слова преподобного Максима Исповедника, можно сказать: Христос выразил Свою волю, когда Ему не свойственно было хотеть только Божественно, хотя Боговоплощение и совершилось в неслитной нераздельности сочетания Божества и человечества.

Начало Боговоплощению положено Благовещением (Сын Божий – Сын Девы бывает, гласит тропарь Благовещения). Уже с этого момента нельзя говорить о разделенности природ, хотя во Христе их две: тварная и нетварная, Божеская и человеческая. После Воскресения исповедовать Христа можно только Богом, но нельзя при этом допустить во Христе ни слитности природ, ни подаления природы человеческой, – воскрес Христос не Божеством Своим, а Своею Плотию, с нею же и вознёсся и воссел одесную Бога Отца. В Гефсиманском борении Своё послушание Богу Отцу Христос выразил, когда Его человеческая воля была отличной от воли Бога Отца.

В то же время при сочетании природ не совершилось и подаления плоти. Плоть Христова давала Христу возможность отождествлять Себя с человечеством; Христос выразил послушание Богу Отцу от лица человечества. При этом сочетание естеств во Христе должно мыслить так, как оно выражено в Халкидонском синтезе: неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно.

Этот раздел богословия основательно разработан преподобным Максимом Исповедником, который прослеживает сочетание естеств на всём протяжении пребывания Христа на земле и утверждает, что Христу всегда свойственны были два состояния: обоженность, которую Он выразил всего один раз на Фаворе сообразно возможности восприятия учеников: «Показавый учеником Твоим Славу Твою, якоже можаху; во всё прочее время Господь сокрывал славу Свою под зраком раба».

До сих пор мы в основном говорили о том, как отразилось и в чём выразилось в Самом Христе сочетание естеств и Его искупительный подвиг. Но в общем человеческое естество в силу единства природ введена актуальнейшая Божественная сила возрождения и Воскресения. Христово воплощение, Его страдания, смерть и Воскресение потенциально изменили судьбы людей и всего в мире. Однако усвоение этого дара вверено человеческой свободе, и потому сила Воскресения ещё остаётся потенциальным достоянием всего человечества в целом, актуализировать его – в этом назначение человечества.

Церковь

Задача человечества – стяжание Царства. Цель эта не может быть ни упрощена, ни чем-либо подменена. Для всех Христом Спасителем уготовано неветшаемое пристанище – Церковь. Свой замысел о Церкви Христос Спаситель выразил в словах: «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Это же, но уже как совершившийся факт, засвидетельствовано апостолом Павлом: «Христос приобрел [Церковь] Кровию Своею» (см. Деян 20:28). Процесс становления Церкви непрерывно совершается в мире, но истинные её чада – те, кто подражает Христу, кто возьмет крест свой и последует Ему (см. Мф 16:24). Здесь, как мы видим, многое зависит от человеческого отклика.

Само становление Церкви, приобщение к ней уверовавших нельзя расценивать только как простое прибавление членов, как в общественных организациях. Становление Церкви совершается миссией в мире двух Ипостасей – Христа и Духа Святого, сошедшего на Церковь в день Пятидесятницы и почившего отдельным языком на каждом насельнике Сионской горницы. С этого момента Христова Церковь наличествует в мире, Христос приобрел ее честною Своею кровию, поставил на незыблемом основании – человеческой природе, обновлённой Его воплощением и Жертвой. Дух же Святой схождением Своим осуществляет полноту «Наполняющего все во всем» (см. Еф 1:23). Церковь – одновременно земной и небесный организм, физическое и мистическое Христово Тело. Назначение её – приводить граждан земли к Царству и делать их гражданами неба.

В Евангелии повествуется о двух схождениях на Церковь Духа Святого. Всем известно второе, совершившееся в день Пятидесятницы. Но уже в первый вечер Своего Воскресения Христос Спаситель, явившись Своим ученикам, дунул на них и сказал: «Примите Духа Святаго» (Ин.20:25). Этот момент настолько важен, что Христос в своё время предварил его словами, изречёнными в ожидании грядущих мук: «Если Я не пойду (крестным путем), Утешитель не приидет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин 16:7). Схождение Духа Святого связано со страданиями Христа, и крестными муками Своими Господь не только совершил искупление, но и стяжал Церковь. Предречённое Христом сниспослание на Церковь Духа Святого исполнено; Христос дуновением Своим не просто послал Духа Святого, но и раскрыл цель осуществляемого посланничества: «Что вы свяжете на земле, то будет

связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18:18). Дуновением Христос сообщает Апостолам Духа Святого и Божественную власть, которую доколе на земле проявлял только Он Сам. Этим Христос созидает Церковь как единый Богочеловеческий организм и дополняет его учреждением таинств, наполняя благодатной жизнью.

Есть ещё удивительное свойство Церкви – Она есть образ Пресвятой Троицы. Это не декларация, а чёткое исповедание её Божественности, сознаваемое и переживаемое членами Церкви. Хорошо выражает это 34-е Апостольское правило: Да прославится Отец Сын и Святой Дух в самом строе церковной жизни, потому всё в Церкви и устрояется по образу Тройческой жизни.

К сказанному добавим, что каждый член Церкви обладает той же полнотой, какой обладает вся Церковь, чтобы в самом строе жизни Церкви открывалась жизнь, присущая жизни Пресвятой Троицы. Это-то как раз и прозревают в ней святые Отцы. Вот, например, как говорит об этом священномученик Ириной Лионский: «В Теле Христовом (Церкви) мы находим доступ к источнику Духа Святого... но для того, чтобы стяжать благодать Духа Святого, нужно быть соединённым с Телом».

С претворением в жизнь задач Церкви сопряжены трудности. Связано это с тем, что по причине прилепленности человека к земле очевидность и интерес составляют для него земные ценности, притом часто – самостного и грубо материального порядка. Из Священного Писания мы знаем: «Где соковище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:21), потому-то проповедь о небесном гражданстве и наталкивается на равнодушие. В связи с этим необходимо затронуть ещё одну проблему, которая должна была бы охватывать всех членов Церкви, только вот откликаются на неё, живут ею немногие, прочие же прямо или косвенно отказываются от выполнения Божия зова: «Будьте святы, потому что Я свят» (Лев 11:45; ср. 1Пет 1:15), причём сам отказ почитают почему-то нормой жизни. Подтверждением сказанному пусть послужит личный опыт каждого. Кому неведомы такие, например, слова: «Что я, святой, что ли?», – говорят обычно для оправдания своего равнодушия к духовной жизни.

Суть затронутой проблемы в том, что помимо общепринятого, что условно можно свести к таинствам и богослужебной жизни, наличествует в Церкви ещё такая сторона духовной жизни, которой более подходит именование подвижническая жизнь. Разумеется, жизнь эта никак не вытекает только из человеческих стараний, хотя всецело сопряжена с ними, не есть дарование земли; она – прямой дар искупления, который Христос выразил в словах: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:21).

Пережить это как опыт впервые довелось Апостолам на Фаворе, стало быть, ещё в этой земной юдоли, но пережит он ими как надмирный. Так именно и охарактеризовал этот Свой дар Христос, сказав: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф 16:28). Апостолы, впервые вкусившие его, пережили всё как священный ужас, но сами же при этом засвидетельствовали: «Хорошо нам здесь быть...» (Мф 17:4), – так хорошо, что, заботясь о продлении переживаемого, они предложили сделать три кущи: Христу и пророкам Моисею и Илие, забыв при этом о себе. Изумительная подробность достоверности описываемого: объятые Божественною славою, они, конечно же, переживали её как охватившую их Божественную любовь. Но эгоистичной бывает только земная любовь, небесная всегда жертвенна, она вся в отдаче. Пережив озарение и при этом забыв о себе, самым забвением Апостолы засвидетельствовали и достоверность виденного, и надмирность пережитого.

Радость Божьего Царства Апостолы пережили в предварении, ибо оно нам ещё только обетовано, мы его, согласно Символу веры, чаем. Правда, Писанием оно засвидетельствовано и как опыт апостола Павла, восхищенного до третьего неба (2Кор 12:2). Тем не менее Апостол не преминул сказать, что всё пережитое им Бог ещё только «приготовил... любящим Его» (1Кор 2:9). Значит, апостол Павел всё пережил в предварении, ибо само Небесное Царство ещё за гранью посюстороннего. Такое предварение возможно, – причастил же Христос Своих учеников на Тайной вечери Телом и Кровию Своею ещё до вкушения Голгофских мук.

От дней Фавора этот опыт переживания Божьего Царства стал достоянием Церкви, и хотя этот дар, может быть, переживается в умалённости, не во всей полноте, тем не менее это переживание Божьего Царства, дарованное для земли, обусловлено дарованием Христа и сошествием Святого Духа в день Пятидесятницы.

Духовная жизнь всегда струилась в Божьей Церкви, но плоды подвига – это всегда тайна Бога и личности подвижника. Жития святых излагают события подвижнической жизни в основном довольно схематично.

...Обратимся к иконографии, к иконографическому канону, который должен способствовать выражению надмирного. В Православии в самом распятии светится жизнь, и не обычная земная, а присносущная, о которой Христос Спаситель ещё задолго до Своих страданий сказал: «Никто не отнимает ее (жизнь) у Меня, но Я Сам отдаю ее» (Ин 10:18). Каким образом изобразить эту присносущную жизнь? Для её выражения нет художественных изобразительных возможностей, поскольку выразить

нужно не посюстороннее, а надмирное, чего нельзя подглядеть; уж если и нужна здесь гениальность, то непременно религиозная – святость. И существуют установленные Церковью каноны, опираясь на которые, возможно телом, висящим на Кресте, выразить присносущную жизнь. Но для этого самому изографу должно пребывать в общении с присносушной жизнью, жить ею, пребыть самому в духовном опыте Православия.

Православие ни на мгновение не забывает о распятии и страданиях Христа, но не забывает оно и того, что Голгофа для Христа – это абсолютно добровольная жертва, которая приносится Им во имя торжества жизни. Вот слова, произнесённые Спасителем незадолго до Голгофы: «Я отдаю Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее» (Ин 10:17–18). В православном Голгофском кресте весь реализм опрокинут, в нём всё подчинено мистерии Спасения. Руки чётко распростёрты по перекладине Креста, что выражает объятия, – они так простёрты, что широта Креста и долгота небеси равна есть, яко Божественной благодатью освящает всяческая (третья стихира на хвалитех, служба выноса Креста). Здесь – олицетворение Христовых слов: «Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин 12:32).

Лик Христов спокоен, даже торжественно примирён. Grimасы смертного ужаса, как в западных изображениях, и в помине нет. Христос только склонил голову на плечо; как сказано в Евангелии, «преклонив главу» (Ин 19:30). Но именно от этого изливается невыразимый покой, даже не субботный, а прямо скажем – надмирный, а ещё точнее – Божественный, изливающий в души умиротворение и успокоение. Ноги в православном Кресте – и ныне «столп и утверждение» Вселенной. Устойчивостью своею они возносят Христа. Не забыты при этом и символы твердыни – подножия. Устойчивость ног напоминает: «Он основал вселенную, она не поколеблется» (1Пар 16:30). Вся фигура свидетельствует о том, что на Голгофский крест Христос восходит Сам, и даже не как на царский трон, а так, как это было сказано: «Место лобное рай бысть». Внеся эту символику в изображение Креста, наши предки засвидетельствовали тем своё верование.

Это не произвольная трактовка Голгофского сюжета; описанная тематика всегда стояла перед умным взором православного художника. Для изографа стихира Страстного Пятка «Днесъ висит на древе иже на водах землю повесивый, венцем от терния облагается иже ангелов Царь, в ложную багряницу облачается одевая небо облаки, заушение прият иже во Иордане свободивый Адама, гвоздьми пригвоздися Жених церковный, копием прободеса Сын Девы, покланяемса стражем Твоим Христе,

поклоняемся страstem Твоим Христе, поклоняемся страstem Твоим Христе, покажи нам и славное Твое Воскресение» – совсем не лирическое излияние, а духовный реализм; изограф выражает его методами православных канонов.

Устроением Церкви Бог соединяет земное и небесное в таком единстве и спаянности, что апостол Павел видит в этом единое мистическое Тело Христово, одушевляемое Духом Святым. Потому-то Церковь и нельзя мыслить в отрыве от Христа и Духа Святого; в противном случае мы лишаем её истинной природы, вселенского масштаба и спасительной значимости.

Итак, Спасение совершено, но его ещё нужно усвоить, стяжать. Только тот, «кто будет веровать и креститься, спасен будет» (Мк 16:16). Но Господь милует и грешников. Жизненными обстоятельствами, любвеобильными дарами, – вообще разными способами Христос всех зовёт в Свою Церковь, стоит у дверей сердца каждого, стучится в них, иногда властно, но чаще с нежностью, терпеливо ждёт подаяния любви... Господь вводит в Церковь немощных братьев Своих прямым включением их в ритм облагодатствованной жизни. Евхаристия, как и все таинства, своей основой имеет вещество этого мира, которое в таинствах приемлет благодать. Освящённая материя вносит оздоровление во все ключевые моменты христианской жизни.

Да, искупление как дар Христов уже наличествует в мире, мир уже чреват им, и сама материя стала способной вмещать Божественные реалии. Но в осмыслении облагодатствованной материи должна быть проявлена особая духовная чуткость. Суть в том, что воссозданная Христом материя действительно может служить и служит проводником благодати. Но благодатная жизнь может струиться только в Церкви и через Церковь посредством соборной молитвы, обрядов, таинств, в особенности – Евхаристии, потому что в Евхаристии человеческая природа через Плоть и Кровь Божию соединяется с Божественной Ипостасью Сына, становится причастной обоженному человечеству Христа.

Известно, что веществом для Евхаристии являются хлеб и вино, которые преллагаются в Плоть и Кровь Божию. Но если осуществлять это станет только сам человек, то какие бы ни совершал он манипуляции над евхаристическим веществом, оно так и останется хлебом и вином. Верующим это понятно. Но не менее достоверно и то, что если священник не совершит Евхаристическое таинство, пресуществления Даров также не будет. Для того, чтобы Евхаристия была совершена, абсолютно необходима синергия: осуществление положенного чинопоследования,

совершённого рукоположенным священником, и нисхождение на вещество Духа Святаго. Таким вот синергическим согласием действий священника и живого присутствия Христа и Духа Святого вещество мира прелагается в Плоть и Кровь Спасителя.

Стяжание благодатной жизни, предлагаемое Церковью, сводится к воцерковлению всей жизни; все жизненно важные моменты человеческой деятельности поставлены Церковью под освящающее начало таинств и обрядов. На этот путь молитвенного единения с Богом и приглашаются верующие. Потребность в Себе Господь вложил в человека при самом творении, и жажда эта ничем и никем кроме Бога утолена быть не может. Классически выразил потребность в Боге блаженный Августин: «Ты создал меня для Себя, Господи, и не спокойно сердце моё, доколе не успокоится в Тебе». Но человек часто ошибается и вместо служения Богу разменивает веру на суеверия и тем изменяет Богу. Насущную потребность человека в Боге можно легко проследить: чем дальше человек от Бога, тем больше у него суеверий. Поставьте современного человека в условия пребывания наедине с собой: лишите его работы, привычных развлечений, оставьте без телевизора, без общения с людьми, – и вы увидите катастрофические последствия. Разве так невозможно жить? Ведь подвижники как раз и ищут уединения. Потому это трагично для современного человека, что он разучился молиться, мыслить и даже читать, не знает, для чего и зачем он живёт, не имеет цели, не знает своего назначения, не испытывал и не знает настоящей любви, не знает духовных ценностей. Всякий момент его жизни был заполнен делами, разговорами, пересудами, телевизором, то есть ценностями весьма легковесными и сомнительными, всецело посторонними. Он не только никогда не трудился ради стяжания непреходящей радости общения с Богом, но и ничего об этом не знает, поэтому наедине с собой он ощутит внутреннюю пустоту, обвинит в нечуткости, непонимании, чёрствости и жестокости окружающих, провозгласит бессмысленность жизни, наделает массу других глупостей... А всё потому, что духовных ценностей не знает и как следствие – в душе воцарились потемки.

А для обретения непреходящей радости необходимо так принять всё соделанное Христом, чтобы обрести Христовы дарования. Но это совсем не значит, что нужно всего лишь согласиться с исторической достоверностью Евангельских повествований. Такое усвоение может обогатить ум, ценности такого рода – чисто познавательного порядка. Евангельские повествования – это не столько история, сколько путь, истина и жизнь; Евангелие как история – только отправной момент,

останавливаться на котором нельзя. Евангелие – это Божий глагол, несущий жизнь, но для приятия его нужна добрая почва, о которой в притче говорил Христос.

Для приятия Христа, для того, чтобы глаголы Его стали для нас Духом и жизнью, необходимо сами Христовы дарования соделать Богу содействующу сокровищем своего сердца. Это поставит нас перед живым Христом. В помощь нам – Христова Церковь, её живой опыт – таинства и соборная молитва; они составляют неветшаемое достояние верующих сердец и вливают в них сокровища благодати, которыми духовно возрастает христианин. Назначение Церкви – приводить человека к Богу.

Освящение через таинства совершается благодатью, которая подаётся не в силу заслуг, а в силу апостольской преемственности, усвояемой священником при рукоположении. Епископ возлагает руки на ставленника, рукополагаемый получает благодать епископского, священнического или диаконского сана. Совершая Евхаристию, священник благословляет хлеб и вино, они прелагаются в Плоть и Кровь Божию; священник помазывает святым миром – на крещаемого нисходит благодать Святого Духа и т. д. Благодать едина, исходит от Божественной Природы, неотделима от Неё и подаётся в силу совершаемого таинственного действия; этот аспект входит слагаемым в саму жизнь Христовой Церкви. Благодатная жизнь Церкви охватывает все потребности христианина, освящает все моменты его жизни от рождения до смерти.

Литургисты и канонисты разработали церковное осмысление освящения христианской жизни; обряды и таинства вносят освящающее начало в сам христианский быт, но самих таинств творцы канонов не создавали; установление таинств – всецело дар Спасителя Христа. Забота о членах Церкви распространяется на все случаи жизни; все человеческие нужды поставлены в ритм церковной жизни с тем, чтобы освящалась вся жизнь христианина, дабы он воцерковлялся и возрастал в духе.

Установление Церкви и самой Евхаристии зиждется на Христовой Крови. В то же время Евхаристия – это таинство радости, ликования, любви, в ознаменование чего и именуется она благодарением. Да, это жертва, как и Голгофа, но на Свои муки Господь шёл сознательно и само это шествие выразил в словах ликования и торжества: «Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем» (Ин 13:31). Такой предстаёт нам духовная реальность, радикально отличная от земных человеческих чувствований и представлений. Чтобы пережить эту радость, приобщиться к ней, сделать её своим достоянием, нужно с верою и благоговением воспринять всё содеянное Христом и с готовностью нести свой крест. Да,

Царствие Божие усилием берется (ср. [Лк 16:16](#)), но это совсем не значит, будто его можно заполучить только своим усилием; оно – всецело дар Божий. Личность, выкристаллизованная подвигом, так воссоздаётся Богом, что предстаёт уже новым творением, см. [Откр 21:5](#), и богоподобность её в очах Божиих дороже всех сокровищ мира.

Но своего цветения личность достигает и собственным усилием, в особенности участием в евхаристической трапезе; Евхаристия реально осуществляет онтологическое единство жизни верующих со Христом и друг с другом во Христе: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» ([Ин 6:56](#)). Единением человека со Христом создается Церковь, – Христово мистическое Тело, переживаемое человеком как ликование и радость.

Другого пути и средства к соединению с Богом для человека нет: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» ([Ин 6:53](#)). Тайнодействие объемлет христиан и этим вовлекает их в единство, которое их, как и саму Церковь, преобразует в тайну Царствия. Именно Евхаристией собирает Господь Церковь; вкушая Плоть и Кровь Спасителя, верующие становятся сопричастными Его богочеловечеству.

Всё в Литургии имеет вневременной, даже надвременной характер. В её чинопоследовании уже горят краски будущего преображения мира, её тайнодействием в мироздание вводится Божественная сила всеобщего воскресения и вечной жизни. Литургия есть осуществление и претворение в жизнь слов Христа: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» ([Ин 6:54](#)).

В своём окончательном свершении Литургия, по словам преподобного Максима Исповедника, означает конец этого мира, конец и отмену истории, победу над убегающим и разделяющим временем. Это – конечное таинство; нельзя простираться далее, нельзя даровать человеку большего... Это Христос в человечестве Своём – но и облагодатствованное человечество, в своём молитвенном напряжении дерзающее следовать Ему.

Содержание

Протоиерей Владимир Тимаков Страстная Седмица – осмысление Христова Креста священник Алексей Тимаков	1
Спасение	2
Церковь	7